

ПЕЧАТЬ- НЕРАСПЕЧАТЬ

ТОМ 1.

ПАЦАНА НЕ КОСНУЛОСЬ

Никита Якунин

**Печать-Нераспечатать. Том
1. Пацана не коснулось**

«Автор»

2026

Якунин Н. С.

Печать-Нераспечатать. Том 1. Пацана не коснулось /
Н. С. Якунин — «Автор», 2026

Двенадцатого апреля 1961 года Гагарин сказал «Поехали!», небо треснуло, и на Землю пролилась космическая сила. Тридцать лет её держали под замком в казённых закромах. А в декабре 1991-го, в Беловежской пуще, замок сорвали. Магия хлынула в народ и досталась тем, кто был ближе всех к земле: дворами. Лето 1992-го, город Черноярск, панельный район при недостроенной ГРЭС. Жеке шестнадцать, он учится на слесаря, и силы у него нет вообще. Зато пока во рту тлеет сигарета (а курить он даже не умеет), его не берёт ничто: ни удар, ни печать, ни серп. Ему бы жить тихо. Но на район приходит Зубенко Михаил Петрович со стажем с 1937 года, серпом в одной руке и молотом в другой, и хочет запечатать страну обратно в Союз. А в фундаменте ГРЭС лежит то, что ему для этого нужно. Гопники против коммунистов. Понятия против идеологии. Смекалка против стажа.

© Якунин Н. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пацана не коснулось	5
Глава 2. Разговор по понятиям	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Никита Якунин

Печать-Нераспечатать. Том 1. Пацана не коснулось

Глава 1. Пацана не коснулось

Если вы спросите меня, с чего началась эта история, я отвечу честно: с Гагарина.

Двенадцатого апреля шестьдесят первого года Юрий Алексеевич сказал «Поехали!», ракета ушла вверх, небо треснуло. И через ту трещину на нашу землю пролился Фарт. Известная космическая сила. Государство её, понятно, тут же запечатало в казённые закрома — но это длинная история, я её расскажу, когда будет минутка.

А в декабре девяносто первого три человека в Беловежской пуще подписали одну бумагу, и Печать Союза — та самая, главная, на которой всё держалось, лопнула. Фарт хлынул на свободу и достался тем, кто был ближе всех к земле.

То есть нам, провинциалам.. Дворам.. Пацанам на корточках.

Я это всё видел, я на этом районе всех знаю, и если я иногда буду вставлять своё мнение — потерпите.

А теперь лето девяносто второго, город Черноярск, район ГРЭС, вечер пятницы. И пацан по имени Жека, который лезет через форточку склада продуктового магазина номер семь, потому что ему нужны сиги. Но он не курил. Тем не менее сиги были ему нужны позарез, вместо воздуха и добывал он их единственным доступным пацану первого уровня способом...

Жека висел в этой форточке уже вторую минуту, зацепившись пряжкой, и размышлял о том, что смекалочка — это, конечно, сила, но иногда лучше бы вместо неё выдали габариты, как Толяну.

— Дзынь, — сказала пряжка, отрываясь.

Жека приземлился на ящики с кабачковой икрой почти бесшумно — если не считать звука, который издают сорок банок кабачковой икры. Замер.

«Ну всё...»

Прислушался.

«Только не просыпайся...»

За дверью по-прежнему бубнил телевизор. Сторож дядя Гена, похоже, досматривал седьмой сон и восьмую программу телепередач. Блок «Космоса» лежал рядом. Жека взял две пачки и закрыл коробку обратно. Дядя Гена зимой не раз открывал им дверь погреться, когда на улице дубак стоял. Совсем уж борзеть не хотелось. На подоконник Жека положил мятую тысячу — всё, что было. Инфляция, конечно, сожрала эту тысячу ещё в марте, но тут важен жест. Базар держится на жестах.

Обратно через форточку, вдох свободного вечернего воздуха, и —

— СТОЯТЬ! ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА СВОИХ МЕСТАХ!

...и Жека, как приличный человек, разумеется, побежал.

Он нёсся дворами, срезая через «Ракету» — детскую площадку, построенную в шестьдесят первом, где Фарт до сих пор бил из-под земли так, что качели иногда качались сами и в ритме «Землянки», — и уже на выходе к ларькам сообразил, что кричат не ему.

Кричат — ей.

Ларёчный ряд на углу Заводской и Космонавтов надо один раз описать, дальше вы сами будете его видеть. Крайний — комок «У Ашота»: спирт «Рояль» в товарных количествах, сникерсы поштучно и в половинку, кассеты с наклейками от руки. Рядом — подвал с таб-

личкой «ВИДЕОСАЛОН „СПРУТ“. ТЕРМИНАТОР-2 — 3 СЕАНСА. ДЕТЯМ ДО 16 ВХОД ПО РОСТУ». И через дорожку — «Союзпечатать», про которую разговор впереди. Весь новый мир на двадцати метрах: выпить, посмотреть, как железный мужик спасает будущее, и купить печать от сглаза.

У ларька «Союзпечатать», прижавшись спиной к железному боку киоска, стояла девчонка. Чёрный адидас, оригинал — три полоски горели в закатном солнце, как аварийная сигнализация. Хвост светлых волос выбился из-под кепки. На асфальте перед ней валялись рассыпанные семки — целый кулёк, безвозвратно, — и уже по одному этому можно было понять, что дела плохи: гопница третьего уровня семки просто так не роняет.

А полукругом её обступали они.

Восемь пионеров. Красные галстуки шевелились на безветрии, как живые, горны поблёскивали медью. За их спинами, заложив руки за спину, прохаживался комсомолец — постарше, лет двадцати, с конспектом-свитком под мышкой и с той особенной улыбкой человека, который сейчас будет читать вам мораль с применением физической силы.

— Гражданка Громова, — говорил комсомолец голосом, от которого у Жеки заныли пломбы. — Вы обвиняетесь в стихийной мелкобуржуазной деятельности по семи пунктам. Пункт один: распитие растворимого напитка «Юпи» цвета, не предусмотренного природой. Пункт два: жевание резинки «Турбо» с накоплением вкладышей, на которых изображены автомобили вероятного противника. Пункт три: посещение видеосалона «Спрут» на предмет боевиков категории «Б» — восемнадцать сеансов за лето, у нас всё учтено. Пункт четыре: обмен рублей на доллары по курсу, оскорбляющему память копейки. Пункты пять и шесть объединены: систематическое сидение на корточках без идейного содержания. И пункт семь, отягчающий: спирт «Рояль» вы лично не употребляете, но ларьку, торгующему оным, оказываете силовое покровительство. Предлагаю добровольно проследовать с нами. Товарищ Зубенко хочет задать вам пару вопросов. Про вашего дедушку.

— Семь пунктов, а вопрос про деда — один, — ответила девчонка, и голос у неё был злой и звонкий. — Плохо учитываете, конторские. И встречное предложение у меня тоже одно: засунь свой конспект...

Куда именно — район так и не узнал, потому что комсомолец кивнул, и пионеры вскинули горны.

Залп восьми горнов с трёх шагов — это не шутки: звуковая волна Идейности сносит гаражную дверь. Девчонка успела уйти в «Присед Неотвратимости» — асфальт под ней пошёл трещинами, три полоски вспыхнули, приняв первый удар на верхний контур, — но восемь на одного это восемь на одного, даже если ты в оригинале, а они в подделке.

Второй залп бросил её на киоск. Кепка слетела. Третий контур защиты — от сглаза — жалобно тренькнул и погас: он вообще не для того был спроектирован.

— Взять, — скучным голосом сказал комсомолец.

И вот тут я должен остановиться и объяснить вам про Жеку главное. Без этого вся история не имеет смысла.

Когда в декабре Фарт хлынул на дворы, он достался всем. Толян у досталось. Профессору досталось. Бабе Зине из четвёртого подъезда досталось столько, что её теперь обходит стороной участковый. Всем.

Кроме Жеки.

Ноль. Ноль целых, ноль черёт. Медкомиссия в ПТУ разводила руками: уникальный случай, космическая сила обошла человека, как трамвай обходит зайца. Пацана не коснулось.

Жека вышел из-за угла ларька, встал между девчонкой и пионерами, достал из свежедобитой пачки сигу и сунул её в рот. Чиркнула спичка.

— Мальчик, — почти ласково сказал комсомолец, — иди домой. Это мероприятие для организованных.

— Не могу, — честно ответил Жека, не выпуская сиги. — Вас восемь плюс один, она одна. Не по понятиям. Уравниваю.

— Он первый уровень! — крикнул кто-то из пионеров, у которого, видимо, был глаз-значок. — Пацан! У него даже Фарта нет, вообще ноль!

— Тем более, — комсомолец пожал плечами. — Горнисты. Двумя залпами. Чтоб дошло. Шестнадцать горнов — восемь и ещё раз восемь — ударили по человеку без единого черёта защиты.

Дым от сиги даже не отклонился.

Звуковая волна, способная снести гаражную дверь, дошла до кончика тлеющего огонька — и кончилась. Не разбилась, не отразилась. Просто кончилась, как деньги. Жека стоял в эпицентре, засунув руки в карманы, и вежливо ждал.

— Ещё! — уже без скуки сказал комсомолец.

Залп. Ничего. Пионеры начали переглядываться. Один, самый начитанный, попробовал луч из значка — луч дошёл до Жеки и передумал. Другой метнул горн, как гранату, — горн облетел Жеку по дуге, извинился и укатился под ларёк.

— Что ты такое?.. — комсомолец раскрыл конспект, зашелестел страницами. — Так не бывает. Абсолютная защита — это минимум четвёртый уровень, а у тебя ноль...

— Пацана, — сказал Жека, — не коснулось.

Девчонка за его спиной поднялась на ноги. Я видел её лицо в тот момент. Там была явно не благодарность. Там было глубокое профессиональное оскорбление. Её, гопницу третьего уровня, спасал пацан. Первоуровневый. Со стрелнутой... нет, даже хуже — с наворованной сигой во рту.

— Я тебя не просила! — рявкнула она, вставая рядом.

— Ага, — согласился Жека.

— У меня всё было под контролем!

— Ага.

— Ещё раз влезешь — сам от меня получишь!

— Ага. Семки вон твои, я подобрал которые чистые.

Она осеклась. Посмотрела на протянутый кулёк, потом на Жеку, потом снова на кулёк — и лицо у неё стало сложное, как расписание электричек: её сегодня сначала чуть не забрали в «Красную Зарю», а теперь угощают её же собственными семками.

— ...дурак, — сказала она наконец и взяла кулёк.

Лузгнула. Фарт пошёл в жилы — я видел, как выпрямилась её спина и снова зажглись все три полоски.

Дальше было красиво и быстро: «Семки-дробь» с двух рук веером, восемь пионеров враспынную, как голуби от бабки с клюкой, «С разворота» по конспекту — свиток пополам, страницы по всей улице, а без конспекта комсомолец оказался, как и большинство идейных, человеком начитанным, но небыстрым.

— Это ещё не конец! — прокричал он уже из-за угла. — Товарищ Зубенко всё равно найдёт то, что ищет! Оно здесь, на вашем районе! И вы его сами отдадите!

И они ушли — организованно, строем, как умеют только они.

А Жека стоял у ларька, и сига догорала, и оставалось ей секунд тридцать, и он думал о том, что «Космоса» теперь снова на день меньше, что комсомолец сказал «про вашего дедушку», и что девчонка в чёрном адидасе смотрит на него так, будто решает сложную задачу.

— Саня, — сказала она вдруг.

— Чего?

— Зовут меня так. Саня. Запомни, повторять не буду. — Она надвинула кепку и добавила, глядя строго в сторону: — А ты нормальный. Для первого уровня. Наверное.

Сига догорела.

И вот с этого, если честно, всё и началось. А вы говорите — Гагарин.

Глава 2. Разговор по понятиям

Суббота на районе ГРЭС начинается не с будильника, а с того, что баба Зина из четвёртого подъезда выходит выбивать ковёр. Выбивает она его с применением Фарта, поэтому первые три удара слышит весь двор, а четвёртый — весь двор и частично соседний. Официально это называется «уборка», неофициально — система оповещения: раз ковёр звучит, значит, ночь прошла спокойно, никого не закрыли и не запечатали.

Жека сидел на «Ракете» — на нижней ступеньке облезлой лестницы, ведущей в жестяную кабину, из которой поколения черноморских детей улетаели в космос, — и слушал Профессора. Слушать Профессора было занятием на любителя, но полезным, как рыбий жир.

— ...и ты понимаешь, что ты вчера натворил? — Профессор протёр очки подолом футболки и водрузил обратно на нос. — Ты вписался против организованной ячейки «Красной Зари». Восемь пионеров и комсомолец с конспектом — это, по классификации, «звено с идейным руководством». За такое у них полагается ответка протокольная с занесением.

— Куда занесением?

— В список. У них на всё список.

Толян, занимавший собой вторую и третью ступеньки лестницы, задумчиво щёлкнул семку.

— А чё они вообще до девчонки докопались? Пионеры же вроде как «всем ребятам пример». Восемь на одну — это какой пример?

— Отрицательный, — сказал Профессор. — Но показательный. И вот тут, пацаны, начинается интересное.

Профессор вообще жил ради моментов, когда начинается интересное. Он был у нас на районе явлением уникальным: пацан первого уровня, который свой скромный Фарт тратил не на расклады, а на чтение. Он единственный прочитал от корки до корки «Понятия: полный систематизированный свод» — самиздатовский кирпич, который ходил по дворам в трёх экземплярах, и все три Профессор лично сверил на предмет разночтений. За это его звали понятологом, и даже гопники третьего уровня, встречая Профессора, иногда спрашивали у него консультацию — предварительно, конечно, отвесив леща, чтобы не зазнавался.

— Смотрите, — Профессор присел на корточки и начал чертить прутиком по песку. — Последний месяц «Красная Заря» активничает не как обычно. Обычно чего они делают? Митингуют у проходной, ловят школьников на несанкционированное жевание жвачки, клеят листовки «Вернём всё как было». Обычная рутина. А теперь смотрите: Три недели назад они отжали у барыг с рынка партию бытовых печатей. Две недели назад — вскрыли подвал ЖЭКа, где с советских времён лежали списанные печати Госплана. А вчера их звено приходит за конкретной девчонкой и говорит... Жека, дословно можешь?

— «Товарищ Зубенко хочет задать пару вопросов. Про вашего дедушку», — повторил Жека. Эта фраза у него со вчерашнего вечера сидела в голове, как семка в зубе.

— Во-о-от, — Профессор поднял прутик, как указку. — Они ищут печать. Большую. Старую. Такую, которая по каталогам не проходит. И им нужен кто-то, кто знает, где она лежит. Или чей дед знал.

— А Зубенко — это кто? — спросил Толян. — Ну то есть все говорят «Зубенко, Зубенко», а я его ни разу не видел.

Профессор открыл было рот — и закрыл. Впервые на моей памяти понятолог взял паузу.

— Зубенко Михаил Петрович, — сказал он наконец тихо, — это пятый уровень. Мафиозник. Только с той стороны. Стаж — с тридцать седьмого года. Понимаешь, что это значит? Идейность питается стажем. Наши братки копят Фарт годами, а этот копил веру — пятьдесят пять лет. Комбат с ним схлестнулся один раз, в апреле, у элеватора. Ты видел шрам на его

кожанке? Кожанка четвёртого уровня, серп её взял, как ножницы газету. Комбат после этого неделю говорил ещё короче, чем обычно.

Двор притих. Даже баба Зина взяла паузу между ударами — видимо, из солидарности.

— Ну а мы-то тут при чём? — Толян пожал плечами. — Печать какую-то ищут — пусть ищут. Наше дело маленькое: двор, семки, турник.

Тут я должен признаться: вопрос Толяна был самым правильным вопросом во всей этой главе. Действительно — при чём? Жека вчера вечером думал точно так же. Вписался за девчонку — по понятиям, уравнил расклад — красиво, а дальше-то что? Дальше — ПТУ, слесарное дело, третий разряд, нормальная новая жизнь в нормальной новой стране.

Проблема была в том, что в этот самый момент во двор вошла Саня.

Чёрный адидас в десять утра выглядел ещё бескомпромисснее, чем на закате. Она прошла мимо лавочки, на которой сидел я (не поздоровалась, молодёжь), мимо ковра бабы Зины (пригнулась — рефлекс третьего уровня), и остановилась перед «Ракетой».

— Ты, — сказала она Жеке.

— Я, — согласился Жека.

— Разговор есть. — Она покосилась на Толяна с Профессором. — Не для всех.

— У меня от пацанов секретов нет. Это Толян. Это Профессор. Они в курсе про вчера.

Саня оглядела Толяна (уважительно), Профессора (с сомнением), потом села на карусель, оттолкнулась ногой — карусель скрипнула и поехала, — и сказала, глядя куда-то поверх панельных крыш:

— Во-первых. Если ты кому-то расскажешь, что меня вчера чуть не приняли пионеры, я тебе организую личную встречу с моим кроссовком. Понял? Восемь на одну — это не считается, но район у нас злопамятный.

— Могила, — сказал Жека. Толян и Профессор кивнули разом, с таким видом, что стало ясно: к вечеру будет знать весь район. (Так и вышло. Но разнесла не они, а баба Зина, у которой слух — второй уровень минимум.)

— Во-вторых. — Карусель сделала оборот, и Саня снова оказалась лицом к ним. — Я вчера домой пришла, а у нас форточка вскрыта. И ничего не взяли. Вообще ничего, прикинь. Только дедовы бумаги перерыты. Все до одной.

— А дед у тебя... — осторожно начал Профессор.

— Помер дед. Ещё в восемьдесят девятом. — Саня сказала это ровно, но карусель под ней притормозила. — Инженер был. Всю жизнь на одном месте работал, только я не знаю, на каком. Мать говорит — «в конторе». Пенсия у него была, как у министра, а из дома он выходил два раза в год.

— А что-нибудь ещё про него помнишь? — Профессор уже держал карандаш наизготовку. — Привычки, разговоры, что угодно.

— Сказки помню. — Саня дёрнула плечом, как отмахнулась. — Он мне сказки рассказывал, каждый вечер, до самой смерти. Только не «Колобка», а свои: про пятнадцать замков и потерянный ключик. Про кощееву плиту, под которой сила спит. Про пушу, где три подписи снимают любой засов. Я их наизусть помню. Все. До словечка. Он, прикинь, проверял: «перескажи, Шурка, вчерашнюю». Не перескажешь — новую не получишь. Я думала, дед чудит.

Карандаш Профессора завис над тетрадью.

— До словечка, говоришь. А... много было сказок?

— Много. Я в детстве считала. — Саня наморщила лоб. — Сто три. Ровно сто три, я ещё расстраивалась, что не круглое число.

Профессор молчал секунд десять, что для него было эквивалентом обморока.

— И вот что я тебе скажу, четырёхглазый, — продолжала Саня, не заметив, что четырёхглазый уже пишет со скоростью телетайпа, — если твоя теория про печати правильная, то я, кажется, знаю, почему они спрашивали про дедушку.

Профессор медленно, очень медленно снял очки и протёр их ещё раз. Это у него означало высшую степень интеллектуального волнения.

— Госплан Печатей, — прошептал он. — Твой дед работал в Госплане Печатей. Саня. Слушай. А бумаги — что в бумагах было?

— Да чертежи какие-то. Схемы. Мать хотела выкинуть сто раз, я не дала. — Саня спрыгнула с карусели. — Только они, похоже, не нашли, чего искали. Потому что сегодня с утра возле моего подъезда пасутся двое. В галстуках. Стоят, макулатуру собирают. Четвёртый час собирают. Одну и ту же пачку «Правды» перекладывают.

— Значит, будут ещё приходить, — сказал Жека.

— Значит, будут, — согласилась Саня и посмотрела на него в упор. — Поэтому слушай сюда, первый уровень. Я вчера видела, что ты умеешь. Я такого не видела никогда, а я, поверь, всякое видела. И Комбат должен про это узнать. Про тебя, про пионеров, про печати — про всё. Сегодня вечером, гаражи, седьмой бокс. Я тебя отведу.

— А если я не хочу в движуху? — спросил Жека. Спросил честно. Ему правда хотелось услышать ответ. — Я пацан. Мой уровень — сиги и оборона.

Саня уже повернулась уходить, но тут остановилась. И ответила, не оборачиваясь:

— Вчера, когда они меня прижали к ларьку... я успела подумать: всё, приехали. Никто не впишется. Все нормальные люди в такой момент вспоминают, что у них дела. И тут выходишь ты. Ноль черёт, первый уровень, сига ворованная. Выходишь и говоришь: «не по понятиям, уравниваю». — Она всё-таки обернулась, и я готов поклясться на своде понятий, что уши у неё были красные. — Так вот, не обольщайся! Это я к тому, что раз уж ты такой... принципиальный, то нечего тебе на лавке сидеть. Принципиальные на лавке — это позор района. В семь вечера. Гаражи. Не опаздывай, дурак.

И ушла — мимо ковра (пригнулась), мимо меня (опять не поздоровалась).

Толян проводил её взглядом и щёлкнул семку.

— Жека. По ходу, тебя только что позвали в гоп-тусу.

— По ходу, — сказал Жека.

— А ты чего такой довольный?

— Я не довольный.

— Жека, — сказал Профессор, водружая очки, — я понятолог. Я читаю людей, как свод. Ты довольный.

Жека хотел ответить, что ничего подобного, что он просто прикидывает расклад, и что вообще солнце в глаза, — но тут со стороны Саниного подъезда, за две улицы, донёсся звук горна. Одинокий, короткий, вопросительный. Ему ответил второй — со стороны рынка. И третий — от проходной ГРЭС.

Переключка. Так они прочёсывают район по квадратам.

А через минуту из-за угла показалась Саня — она не дошла до дома и возвращалась быстрым шагом, а метрах в сорока за ней, старательно не спеша, двигались двое в галстуках со стопкой «Правды» под мышкой. Хвост. Тот самый, с макулатурой.

— Так, — сказал Жека, и лавочки во дворе как-то сами подобрались. — Профессор, сколько от нас до её подъезда, если через прачечную?

— Двести метров и один забор. Но у подъезда третий стоит, я его с утра вижу. Ей нельзя домой, пока эти на хвосте: срисуют, что она заметила слежку, и перейдут от наблюдения к приёму.

— Значит, хвост надо снять. Тихо. Без единой семки — по двору же дети.

Операция «Макулатура» заняла четыре минуты и вошла потом в свод как образцовая: ни одного расклада применено не было. Толян вышел навстречу галстукам с холодильником «Саратов» на плече — он его нёс бабе Зине уже вторую неделю, по частям морального созревания, — и попросил «подержать секундочку, мужики, а то рука затекла». Законы вежливости

у идейных прошиты намертво: холодильник приняли двое, и оба сразу поняли, почему Толян нёс его неделю. Пока они выбирались из-под «Саратова», Профессор подошёл с тетрадкой и представился социологическим опросом ПТУ 13: «Два вопроса, товарищи: ваше отношение к приватизации и сколько будет семью восемь, время пошло». А Саня тем временем ушла через «Ракету» — и вот там третий, который от подъезда, попробовал срезать ей дорогу.

Зря он это. Не потому что Саня — хотя и поэтому тоже. «Ракета» чужих не любит: качели на аномальной зоне качнулись ему навстречу сами, все четыре, вразнобой, как приветственный комитет, а горка — рассказывают — слегка изменила угол. Пионер сел на неё уже не по своей воле, съехал, встал, посмотрел на качели, на горку, на Саню, сделал единственный идейно верный вывод — «аномалия не аттестована» — и удалился в сторону проходной, держась середины улицы.

— Вот так, — подвёл итог Профессор, возвращаясь с тетрадкой. — Кстати, семью восемь они не знают. Я записал.

Саня ушла домой через прачечную, чистая, без хвоста. А Жека остался стоять посреди двора с новым для себя ощущением: оказывается, спасать можно и без сиги. Дешевле выходит.

— Профессор, — сказал Жека, поднимаясь со ступеньки «Ракеты». — Вот эта твоя книжка, свод понятий. Там есть что-нибудь про то, как пацану первого уровня не опоздать к семи в гаражи, если по дороге три звена «Красной Зари»?

— Есть, — Профессор тоже встал. — Раздел восьмой, пункт два: «С пацанами ходи».

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.